

Совместный проект ГМЗ «Ростовский кремль» и газеты «Ростовский вестник»

Пока я помню, я живу

• Н.И. Исайчева
Эту статью я посвящаю старшему поколению, у которого, надеюсь, остались светлые воспоминания о театре, художественной самодеятельности тех лет, о моих родителях, о нашем городе.

• С 1150-летним юбилеем тебя, Ростов Великий!

Когда веселой чередой Мелькает в мыслях предо мною счастливых лет веселый рой, Я точно снова оживаю, Невзгоды жизни забывая И вновь мирюсь с своей судьбой...

Эти замечательные строки передают настроение прошлых лет, и особенно осязаемо вспоминаются отдельные эпизоды моей жизни, жизни моих родителей, родительский дом, которые неразрывно связаны с юбилейным этапом жизни нашего старинного города. Проходя по улице Ленинской (бывшая Покровская), улице моего детства и молодости, которая близка мне и поныне, мысленно погружаюсь в воспоминания давно минувших лет.

И начну свое повествование с моих любимых родителей...

В один из тихих осенних дней 1946 года в небольшой провинциальный городок Ростов приехала молодая пара с дальнего Урала. Это были мои родители: Иван Григорьевич и Наталья Петровна Богдановы (фото 1946 г.). Судьба свела их в военное время в дальнем местечке г. Тавда Тюменской области. Отец, профессиональный актер, до войны успел немного поработать на подмостках московских театров. Но война изменила все планы. Долго воевать не пришлось — попал в госпиталь на Урал, где и познакомился с мамой. Наталья Петровна в это время была самым молодым директором одной из сельских школ. В детские годы она

с родителями и младшими сестрами была сослана с Украины на Урал и считалась «спецпереселенкой» в те нелегкие 30-е годы, когда развернулась массовая коллективизация. Сколько невинных судеб разбросало то время по матушке России!

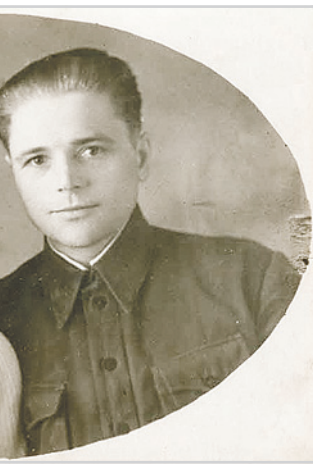
Через художественную самодеятельность, выступления в школах, госпиталях и познакомились мои родители. В годы войны в тех местах было целое поселение из немцев Поволжья, Москвы, сосланных («неблагонадежных») на Урал. В основном это были люди искусства: режиссеры, актеры, певцы, музыканты.

Военное руководство, узнав, что отец по профессии актер, оставляет его после госпиталя охранять заключенных поселенцев, людей искусства. Иван Григорьевич создает актерскую бригаду из спецпереселенцев, и все военные годы выступает в госпиталях, разъезжает с концертами по всему Уралу. После войны, по рекомендации московского друга и режиссера Е. Буша, у которого был знакомый режиссер в Ростовском театре, отец решает ехать в незнакомый город, где

в провинциальном театре набиралась новая труппа актеров.

В 1945 году родители расписались, а в сентябре 1946 года приехали в Ростов. Город пленил их своей стариной, зеленью, чистотой, озером и чем-то неуловимым, напоминавшим о г. Тавде на Урале. Ни друзей, ни родных, ни жилья. Первое время родители ютились на чердаке театра. Из семейного имущества: два фанерных чемодана уральского производства, два портрета, написанных другим художником на память, а из одежды — две фуфайки. Но тяга к театру пересилила все житейские

незгоды. Так для моих родителей и для меня с сестрой Ростов Великий стал малой родиной.

«Я не люблю свой город не могу, Хоть называю его ныне городишко, А он мне дорог и в пургу, И летом в знойное затишье».

«Пускай мой город небольшой, Есть города и больше, и красивей, Но я люблю свой город всей душой И вижу в нем Великую Россию!» В то далекое время театральная

жизнь кипела, проходила с полным аншлагом. Артистов звали в лицо. Охватывалась вся ростовская публика — от мала до велика. Дневные спектакли — для детей, а вечерами, с большими антрактами, где можно было успеть и потанцевать под духовой оркестр, и посидеть в буфете — поделиться впечатлениями о спектакле.

Спектакли профессионального драмтеатра я помню смутно, больше помню из рассказов родителей и знакомых; но прекрасно помню, как, сидя на руках у мамы на спектакле, где в главной роли был мой отец, на весь зал закричала: «Папу убивают!», когда его по ходу действия «пронзают» шпагой. Зал смеется, а мама, быстро взяв меня в охапку, убегает в фойе.

По рассказам и воспоминаниям отца, у актеров, с кем он выступал, еще не было семей, и меня все любили, таскали за кулисами на руках, а добрая костюмерша шила мне из красного плюша (от занавеса) пальтишко и шапочку. Я бегала по сцене на цыпочках, все смеялись и называли меня «балериной». У отца был знакомый фотограф — еврей «дядя Лева», как я его называла, он много делал фото о театре, а также и домашние фото, которые я храню до сих пор. Он был родом из Одессы, с женой в Ростов они были эвакуированы во время войны. Я часто с отцом приходила к ним в гости, а в это время его жена постоянно варила манную кашу. Сажали меня за стол и угощали. И я почему-то стала звать его не «дядя Лева», а «дядя Кашка». Он очень смеялся и говорил: «Я же дядя Лева», а я все равно звала его по-своему.

Но, увы! Театр закрыли, актерскую труппу расформировали, все направление в г. Куйбышев, ныне Самара.

Продолжение следует.

Продолжение следует.

К 200-летию Отечественной войны 1812 года

Участие ростовцев в сборе подвижного магазина для армии

• Константин Степанов
Продолжение.

Начало — «РВ» от 29.03.2012

На первых порах, до утверждения штата подвижного магазина, предводители дворянства, с согласия гражданских губернаторов, назначали смотрителей из расчета по одному на каждые 200 повозок. Их служба приравнивалась к государственной, и они имели право на получение казенного жалования. В свою очередь, после приема по всей форме лошадей, повозок, продуктов, фуража и амуниции на них возлагалась ответственность за их целостность и сохранность. При этом, они обязаны были составлять списки фуражей (погонщиков). Их содержание, а также лошадей, с подробным описанием примет последних на случай конокрадства, со времени поступления в военное ведомство принималось на счет казны, а «до того времени должны они довольствоваться казенным своим, а помещичьи господским провиантом». Продукты питания погонщики должны были получать по «солдатской даче, из того, который будет нагужен на следующих в составе подвижного магазина повозках, а овес из такого же тогда только, когда б совершенно не было можно достать оного в покупке наравне с подъемными лошадьми». Сено предполагалось покупать по пути следования к армии. Если кто-то из фуражей во время службы, как в России, так и за границей «каким-либо случаем погибнет или умрет, за таковых выдаваемы будут помещикам и казенным селениям квитанции». Для наблюдения за сборами подвижных магазинов в

губернии командировались специальные представители из армии.

13 сентября 1812 г. В.С. Ланской направил этот проект с сопроводительным письмом за № 710 для исполнения на имя Ярославского гражданского губернатора Михаила Николаевича Голицына. Он заметил, что М.И. Кутузов возлагает на него ответственность за сборы подвижного магазина, как по части снабжения смотрителей из сумм Казенной палаты на покупку фуража, соломы, дегтя и других непредвиденных расходов, так и по закупке необходимого количества хлеба из сельских запасных магазинов «или из добровольного приношения, или же из хлеба, где есть для армии заготовленного, только б все то было произведено с крайнею поспешностию». Одновременно В.С. Ланской предложил губернатору одну половину подвижного магазина загрузить провиантом и положить на каждую из повозок по три четверти сухарей «с пропорцией круп», а другую — овсом, полагая разместить по три четверти в повозку, «какое количество должно доставить к армии вполне». На повозки также должен быть уложен провиант и фураж «на путевое продовольствие возчиков и лошадей». Главный управляющий отметил также, что для наблюдения «за скорым приемом и сбором подвижного магазина отправляется кавалергардского полка полковник Каблуков... его требования Ваше превосходительство и предводители дворянства... обязываетесь выполнить в точности».

Представленный проект был одобрен М.И. Голицыным «вообще» с губернским и уездными предводителями дворянства. Рассматривая

вопрос и учитывая сложность скорого сбора подвижного магазина, было решено «обратить оной в общую повинность для городов и уездов». К требуемому проектом общему количеству смотрителей, погонщиков, лошадей, повозок, запасных колес и осей собрание сделало необходимое дополнение. В частности, предводители дворянства вместе с гражданским губернатором наметили поставить для обоза 450 пар хомутов, уздечек и «упряжи», 408 «мазниц», 8160 сажень (далее саж.) веревок, из расчета по 20 саж. на повозку, 41 топор, 600 четвертей (далее четв.) сухарей, 56 четв. и 2 четвертика гречневой крупы, 600 четв. овса, 1400 кулей и по 1200 рогож и лубьев. Говоря о стоимости предстоящего мероприятия, собравшиеся исходили из существовавших тогда цен. Так, 900 лошадей стоили 90000 руб., 408 повозок — 40800 руб., 450 пар хомутов и другой упряжи — 13500 руб., «мазницы», веревки, топоры для 408 повозок — 4080 руб., 600 четв. ржи — 6000 руб., 600 четв. овса — 3900 руб. Покупка круп, кулей, лубьев и рогож оценивалась в 2000 руб., перемолка ржи и «обращение в сухари» — 1000 руб. Стоимость продуктов для погонщиков и фураж для лошадей на 16 дней из расчета по 50 коп. в день на человека и 1 руб. 50 коп. на лошадь составляли 24940 руб., а все затраты — 186220 руб.

Из общего количества лошадей и повозок на Ростовский уезд приходилось соответственно 115 и 52, больше было только в Ярославском — 124 и 56, а меньше всех в Любимском — 63 лошади и 29 повозок. На каждой из повозок должно находиться по три куля, луба и рогожи, а также 20

сажень веревок. При этом от Ростовского уезда требовалось хомутов, уздечек и конской упряжи на 58 пар (с учетом запасных) и 5 топоров, от Ярославского соответственно — на 62 и 6, а от Любимского — на 30 пар и 3 топора. Уездным предводителям дворянства разрешалось брать заимообразно из сельских запасных магазинов рожь, которую затем следовало перемолоть в муку и из нее напечь сухарей, так, чтобы «с каждой четверти вышло не менее 5 пудов 20 фунтов».

Ростовская округа обязывалась поставить 72 четв. ржи и столько же овса. Ярославская — по 78 четв., а Любимская — 42 четв. ржи и 45 четв. овса. Всего же в подвижном магазине от Ярославской губернии должно было находиться 600 четв. ржи, «обращенной» в муку, а потом в сухари, и такое же количество овса. Каждый из заготовленных кулей наполнялся сухарями или овсом мерою по три четверти, а гречневой крупой на 2 четв. по 2 гарнца, т.е. по 6 гарнцев на четверть. Вся кладь увязывалась рогожами как можно крепче, чтобы «в продолжении дальнего пути не могло быть растряега, тем менее не попало бы мокроты».

Согласно решению собрания, в погонщики принимались здоровые люди от 25 до 50 лет, но если «кто имел и бельмо на глазу или был без одного пальца», также мог быть принят. Одежда на них соответствовала зимнему времени года: у них были полушубки, кафтан, шапка, рукавицы и валетки, сапоги, чулки, платок, две рубашки и двое «порты». Ростовский уезд выставлял 53 погонщика, Ярославский — 59, а Любимский — 29 погонщиков.

Продолжение следует.

Как московский патриарх в Великий пост питался?

• Любовь Мельник

Историки благодарны канцеляристам былых времен, с разной степенью добросовестности исполнявшим свой унылый долг. Продукция тех канцелярий дает нам сегодня возможность увидеть в подробностях, как проходила жизнь людей, отделенных от нас веками. Никакие воспоминания, никакие памфлеты современников и потомков не могут сравниться с такими источниками по достоверности и точности данных.

«Кормовая книга 7132-го года», например, изо дня в день фиксировала, что подавалось на стол московского патриарха Филарета в 1623 году. Посмотрим, каким было для святителя питание в Великий пост.

«В понедельник первые недели великого поста Февраля в 9 день... у св. патриарха... кушенья не было и ествы не держано.

Во вторник... Февраля в 10 день... столовое кушенья подавали капуста крошеная студеная дворцовая.

В среду Февраля в 11 день... кушенья было в деревянных хоромах... взвар с пшеном сорочинским да с шафраном да с перцем да с ягоди, капуста студеная, горох зобанец, ядра миндальные, ягоди винная на рожниках тридцать ягод, хрен, греночки, горшечник мазуней с перцем, горшечник мазуней с ынбирем, горшечник мазуней с шафраном, орехи грецкие.

В четверг Февраля в 12 день... ествы не держано.

В пятницу Февраля в 13 день... кушенья было в крестовой полате... шти с целым луком да с перцем квашены уксусом, капуста сечена мелка, грибки тьяпные без масла, грибки цели без масла, горошик хлебанец без масла, лопша гороховая без масла, ядра миндальные, орехи грецкие, взвар медвеной квасной со пшеном да с ызомом с шафраном да с перцем, горшечник мазуней с ынбирем, горшечник мазуней с шафраном, греночки, репа вареная резана в ломтики с уксусом да с хреном, 2 блюда ягод винных на рожниках, полоса дынная, полоса арбузная, патоки, яблоки, вишни, за столом у государя патриарха ели архимарит чудовской, игумен Новинской, архидьякон з братьево, да из Чудова монастыря дьяков, да в другом столе ели богородских 2 дьякона...».

Думаю, достаточно цитировать, пора толковать. Более всего, наверное, читатель интересуется не распорядком дня патриарха, не списком приглашенных к застолью лиц и не местом трапезы (хотя сведения об этом в источнике находятся). А собственно постной пищей, рецептурой, то есть. Что-то среди перечисленных кушаний очевидно, а что-то можно понять лишь со словарем.

Например, что это такое — «пшено сорочинское»? Рис. А «взвар»? Либо напиток из ягод, плодов, вареный на меду, пиве, квасе. Либо приправа с пряностями, подаваемая к различным кушаньями (например, рыбным).

А что такое мазуна, изобильно при-

сутствующая в цитате? Оказывается, это кушанье из толченой сушеной редьки на медовой патоке. Кстати, источник XVI века содержит и рецепт приготовления: «Делати мазуни: ретка коя б здорова была собою, кроити в тонкие ломти, здевати на нить хвосцама, да вывалити на солнце».

А как вам «ягодивинная рожника»? Это виноград или смоквы, завяленные над детьми на тонкие заостренные палочки. «Греночки» — те самые греники, которые и ныне у нас в употреблении. Горох «зобанец» — «когда оной сварен будет в воде, пока соскочит с него, или треснет на нем кожица»...

Великопостные субботы и воскресенья подавались патриарху и гостям его пища рыбная и растительная. Икра — паусная, сиговая, «луконая», «арменская», сельдь паровая «на пар», семга просольная, «щучка да 5 окуней да лещ в ухе живые», «щучина свежеспольная» блюдами, звенья «осетрины шехонской». И, конечно, рыба сухая, вяленая — «белая рыбаца», «лосошка», осетры... «Шти снятками», «семжина с уксусом да с чесноком», «звено лососины свежее с лимоном»... Уха — шафранная, черная, щучья, сельдевая, окуневая... Белужины, стеврюжины, осетрины, стерлядины... Одно это перечисление сводит любителя рыбной кухни с ума!

И тут же — «капустка пареная», «капустка гретая», «грибки тьяпные», «лапшица кислая с винным уксусом»... Вина ренские, романея, пиво ячменное с хмелем и мятою, фруктовые меды...

Изо дня в день — обилие «постных» блюд, застолья с большим количеством гостей патриарха. За столом, между прочим, оказывались не только бояре, дворяне, священнослужители. Принято было заниматься благотворительностью, и за патриаршим столом угощал перво-священник нищих и юродивых. Часть блюд шла в «раздачу» — рассыпалась патриаршим служителям, отсутствовавшим за столом. «Подачи» отправлялись также бедствующим в тюрьмах узникам.

Конечно, так проводил Великий пост, как и прочие посты в годовом круге, не только патриарх Филарет. Как свидетельствуют все те же документы, питание его преемников на патриаршем престоле было не менее изысканным. Мы поступим правильно, если не возьмем на себя смелость давать какие-либо оценки нашим предкам.

Просто — так было!

Уважаемые читатели!

Центральная библиотека приглашает вас на литературный вечер «Наш край родной в стихах и прозе», посвященный 1150-летию Ростова, в рамках краеведческого книжного фестиваля «Как в капле»

АФИША ВЫХОДНОГО ДНЯ

Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль» приглашает посетить:

- Экспозицию древнерусского искусства.
- Выставку «Образы Ростова Великого в живописи XX века» (к 1150-летию Ростова).
- Красная палата, 2 этаж.
- Музей финифти (Судный приказ).
- Выставку «Сияет злато и лазурь» (ц. Одиогитрии, 2 этаж)
- Выставку «Ростов в открытке конца XIX-начала XX вв.» (Самуилов корпус, 2 этаж).
- Музей Церковных Древностей (Белая палата).
- Выставку «Русский быт и русские напитки» (Отдочная палата).
- Музей личных коллекций. Выставку «Ямские колокольчики и бубенцы» (Красная палата, 2 этаж).
- Смотровую площадку Водяной башни (панорамный обзор Ростова)
- Вход на территорию кремля для жителей города и района бесплатны.

Городская усадьба купцов Кекиных (улица Ленинская, 32). Выходные дни: понедельник, вторник.

- Экспозиция «Кекины — род, судьба, наследие».
- Выставка «... Много любопытных и редких вещей». Семейное собрание ростовских купцов Быковых.